

Сергей Секацкий

РЕЧКА ЗВАЛАСЬ
ЛЕТОСЬ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ЧЕТЫРЕ СВАДЬБЫ /
НАТАША

СЕРГЕЙ

Речка звалась Лётось. Она разделяла наши обжитые, милые сердцу места на левом, низком берегу от необжитого и неуютного правобережья. На том, противоположном – да, почему-то именно на том, высоком, – изобиловали болотца, овражки, колючие кусты, ямы, буераки... какие вы еще знаете слова для всего этого неудобья? Недалеко от нашего поселка там был и настоящий большой лес – глухой, неухоженный, заросший и почему-то не грибной. В центре леса находилось довольно значительное болото, именуемое, что поражало мое воображение с детства, *горелым* – как может болото гореть?!

Места эти считались проклятыми, и люди там истари не селились. До ближайшей, заброшенной вскоре после войны деревни правобережья было добрых километров восемь, и звалась она под стать всей этой чертовщине: Черепы. Советская власть в эпоху бури и натиска пыталась, конечно, освоить и правобережье.

Там что-то осушали, орошали, мелиорировали, косили – заготавливали, пасли, на целое лето посылались какие-то бригады то ли лесорубов, то ли животноводов... Но не хотели течь воды Летось-реки, куда велят большевики: скотина дохла, земля не родила, с трудом сведенный овраг следующей весной расходился опять. После войны, когда мужского населения резко ubyло, от этого всего отказались, и правобережье постепенно вернулось к своей привычной мерзости запустения.

Как следствие, на много километров вокруг не было через Летось и ни одного моста. Речка была неширокая, неглубокая и небыстрая – метров пятнадцать-двадцать в ширину и чуть больше человеческого роста на тальвеге; переплыть ее было несложно. Мы с ребятами, когда были детьми-подростками, летом нередко так и поступали и наведывались на противоположный берег: и к горелому болоту ходили, и к Черепам. Но не было там ничего интересного, одни байки и легенды, что живут, дескать, здесь лешие да водяные, что встречаются в омутах речки русалки, всегда готовые утянуть зазевавшегося с собой в водную стихию, что ходят по ночам на правом берегу неупокоившиеся мертвецы, упыри да вурдалаки – Летосьская Застава... На практике же водились там лишь дикие кабаны (свинку с выводком полосатых поросят и мне пару раз доводилось увидеть), но не было ни хороших грибов, ни толковых ягод. Зато волчьей ягоды да вороньего глаза было выше крыши, благоухал дурман, а из грибов изобиловали ложные белые, научно именуемые сатанинскими, – и это было, пожалуй, единственное

реальное проявление присутствия здесь дьявольских сил. На местном диалекте грибы эти именовались хозяиновыми, или попросту хозяйскими: запрет называть черта по имени у нас строго соблюдался. Наконец, в речке и рыбы особенно не было, мелочь одна. Поэтому никого, если честно, правый берег не интересовал десять месяцев в году.

Все менялось в июле и августе. Осколком иных времен, средневековой карнавальной культуры, если еще не греческих дионисийских или каких-то там прочих игр, засел в наших краях один странный обычай. Во время свадеб, что проходили в эти летние месяцы, в погожие дни, на левом берегу, правый отдавался на разгул и разврат, на всяческую трансгрессию и отмену социальных условностей и ограничений. После установленного сигнала – Летось открылась! – всяк кому не лень мог переплыть туда на лодке, а то вплавь, и оттянуться по полной. Некоторые ограничения предусматривались лишь по возрасту: девочек пускали лет с четырнадцати (но многие перебирались и раньше, если родительский контроль на минутку ослаб), а парней где-то с шестнадцати (и этим вольничать не позволялось: накостыляют и обратно отправят), да еще и по факту замужества: замужним разрешалось переплыть реку, только если ее мужик уже отправился туда ранее. Обходилось это так: мужа следовало напоить и бесчувственного на лодочке перевезти, складировать на противоположном берегу под присмотром какой бабули – и тогда гуляй, дивчина: замужняя, не замужняя – за Летосью условностей нет. Ну да беременным еще не

полагалось, но, говорили, молодые девки этим запретом пренебрегали – кто по слабости, не в силах похоти преодолеть, а кто и в греховном поиске выкидыша.

На языке наших западных соседей «летось» означает «в прошлом году», а в переносном смысле «как прошлогодний снег»: когда это было? Да летось: то есть то ли было, то ли нет, может, когда-нибудь, а может, никогда. Именно этот смысл удержался в нашем говоре. Историк, Иван Афанасьевич, дальше шел:

– Летось, ребята, это Лета. Река забвения. То, что было за ней, того не было: это не считается.

Ну это он загнул.

Я в своем детстве-юношестве на разгуле за Летосью не был. Формальная причина – возраст: после восьмого класса я поступил в Колмогоровский интернат, математику-физику на Москве, как у нас говорили, учить, и как бы по возрасту не успел. А реальная причина состояла в том, что и я, и мама моя по-настоящему своими здесь не были. Моя мама попала в поселок в сорок первом, беженкой, с простуженной и харкающей кровью матерью (воспаление легких? туберкулез?), когда было ей года три. Мать ее не смогла идти дальше, приютили ее с дочуркой добрые люди, да от силы через месяц – в оккупации уже – и схоронили. А дочку, соответственно, приняли в семью. Рассказывали, что по-русски она не говорила тогда, бормотала слова какие-то на неизвестном языке (на идише?) и после смерти мамы своей замолкла (надо было, чтобы выжить?). Думали, даже больная; но нет, через пару лет отжилась, и разговаривать ста-

ла, и язык свой забыла, и происхождение свое тоже (но добрые люди-то не забыли и при случае всегда напоминали). Так что вроде и росла она полноправной дочкой в большой крестьянской безмужней семье (на войне хозяин погиб), и не обижали, еду в голодное послевоенное сталинское время поровну на всех делили, но... Еще и оттого, что была не в меру умна – по здешним понятиям, и «неправильно красива» – не широколицая русская красавица, высокая голубоглазая блондинка с косой до пояса, а какая-то худенькая остролицая да остроносая *томная* темноволосая гречанка (еврейка?) с курчавыми волосами и карими бездонными глазами. Не первая красавица, но – говорили мне многие – кто видел тогда тот ее взгляд, когда хотела мама устремить его тебе прямо в душу – пропал. В общем, слишком сильно и дерзко *на чужое* покушалась залетная малая пташка, пигалица, имя тебе никто, – а когда отхватила себе, как многие почему-то считали, *обманом*, самого лучшего парня... в родной поселок лучше было не возвращаться: ясны соколы заклюют.

Но в чем обман-то? Просто и мама моя, и Владимир (отец мой), двое лишь из всего поселка поступили учиться в Москву, и там, на чужой стороне, легко и естественно сошлись их пути и судьбы. Да и незачем было возвращаться: что делать в такой глуши перспективному физику-ядерщику (МИФИ) и специалистке по романо-германской филологии (МГУ)? Иные манили их горизонты – для начала завод по обогащению урановой руды в Чуйской долине, в Киргизии – там я родился. Папа стал там вскоре начальником цеха,

а потом и главным технологом. Ох, и жизнь была: постоянные командировки в Москву, привозные вкусы-шмотки, спецраспределитель, отдых в Крыму и Сочи, приглашаемые на комбинат на концерты барды с оплатой дороги в Киргизию и обратно (так!)... И вот здесь беда: пошли они спаянной командой альпинистской на соседний Тянь-Шань, и накрыло группу лавиной. Половину руководства завода.

Мне было тогда одиннадцать лет. Мама попробовала было остаться в Киргизии, но трудно и бедно все шло без мужа, воспоминания давили, да и бабушка Тоня – что приютила девчонкой, от верной смерти закрыла крылом, как наседка, – резко сдала и нуждалась в помощи. По всем человеческим и божеским законам именно маме, младшей, да овдовевшей, да приемной дочке, чей долг никогда не может быть искуплен, только смерть освободит, надо было с ней сидеть. Работа учительницей английского и французского и в нашей глуши найдется.

Вот так в конце седьмого класса я вернулся в родные места – где раньше особо и не был (заезжали пару раз в отпуск на пару недель, не более того). Что сказать вам о них? Устройство советской империи было во всем неправильным, в том числе и в том, что окраины жили много лучше сердцевины. Если даже порой и не лучше чисто материально, то *человеческий материал* уж точно не шел ни в какое сравнение: одно дело *имперская элита*, концентрировавшаяся на окраинах, и совсем иное – *остатные людишки*, ни на что, кроме как охранять, да и то абы как, отеческие гробы,

не способные. Как там у классика: *скисли душами, опрыщавели... испокон веков в грязи, в шепоте, под иконами в черной копоти.*

Для меня, подростка, тут была еще и масса дополнительных трудностей. Нелегка была жизнь в Киргизии, но там были строгие и абсолютно ненарушаемые законы. Все делилось на общины, так их назовем – русские, киргизы, узбеки, дунгане, казахи, да еще и какого жуза казахи, южные или северные киргизы, да не потомки ли Чингиз-хана? Как член общины ты мог спокойно ходить в любом районе, зная: ты не один, за тобой стая – поэтому понапрасну не пристанут, не оскорбят, не попытаются побить. Не унизят достоинства! А если унизят – то сознательно, провоцируя – зная, что за базар надо отвечать, и отвечать серьезно. Разумеется, внутри общины ты должен играть свою роль, подчиняться неписаному Уставу, но роль четко определенную: не обижать слабых, слушаться *справедливых требований* старших, быть всегда готовым к *спросу*, выходить на стрелки, никого не закладывать; но и тут тебя понапрасну не обидят, никогда не унизят: ты солдат, рабочая сила против врагов, ты нужен сильным и гордым.

А в нашем поселке... Не было там никаких правил. Попросту, ни за что унизить, слегка побить, осмеять мог каждый более сильный – и не более сильный физически индивидуально – если бы так! – а ближе находящийся к вожакам, шавка, иными словами. А что за вожаки... я сам видел, как унижались они перед любимым ментом – да у нас в Киргизии после этого тебя

опустили бы по полной: коль вожак, так будь им, не морочь нам голову! Будь готов *«отвечать за свою культуру: песнями, ребрами и арматурой»*. А не можешь... лучше не знать, что за этим последует.

Из всех известных мне слов для описания ситуации более всего подходит *гнусть*: гнусные здесь были нравы, и жить тут долго я не собирался. (Не сочтите мои слова за русофобию: они выстраданы и идут от сердца.) Какой мог быть выход: Колмогоровский интернат! Я уже и в Чуйской долине шустрил по физ-мат-олимпиадам, но там я все еще колебался: гуманитарные дисциплины интересовали меня не меньше, я с большой охотой изучал с мамой английский и французский, зачитывался историей, от избытка сил шумерский язык и клинопись стал учить (папа по моей просьбе привез из Москвы пособия). А здесь ясно все: лирику побоку. Вопрос стоит о выживании. Я засел – охотно, не было настоящей альтернативы – за учебники и сборники олимпиадных задач; не поверите, но правда – в восьмом классе начал за плату решать заочникам задачи по высшей математике: интегралы с подстановками, простейшие диффуры, максимумы... «линейная функция принимает экстремальные значения только на границах, поэтому будем их последовательно анализировать» – те, кто платил мне за решения, слов-то таких не знали. Без малейшего труда выиграл я все (математика, физика, химия) олимпиады районные и попал на областные. А там и на всесоюзную по математике.

Короче говоря, своим я не был – и не стоило, поверьте, было здесь им быть. Не было у меня и близких,

всяких братьев родных да двоюродных, чтобы прикрыть: родственники папы еле признавали, лелея, как скрипку, нелепейшую обиду на уже умершего за то, что взял некогда бедную и безродную вопреки родительским советам. (Какие глупцы: неужели непонятно, что самую лучшую невесту он здесь в глуши оторвал?!)

И друзьями настоящими не обзавелся: были, конечно, приятели, с которыми рыбу ловили, за Летось ходили, в волейбол играли, но...

Впрочем, нет, один друг у меня все-таки был. Говорю здесь намеренно друг, а не подруга, хотя это была она: Наташа. Девочка старше меня на год и по классу, и до моего прихода была в школе беспорной лучшей ученицей, участницей-призершей областных олимпиад, записной героиней школьных вечеров, когда надо было вначале почитать стихи, комсомолкой-активисткой; на Доске почета висела ее фотография у развернутого знамени ЦК ВЛКСМ – во как! С этой позиции (только учебной, никаких знамен) я вытеснил ее легко, не думая и не напрягаясь: вытянуть со мной все эти олимпиады она не могла. Самое интересное, что Наташа этой утрате отнюдь не расстроилась и как-то сказала мне:

– А я рада, что сейчас не лучшая ученица! Не пове-ришь, лучше стало. Раньше все видели во мне прежде всего отличницу – комсомолку, зубрилу, это мешало, а сейчас видят прежде всего девушку-женщину, это помогает. Хорошо! Тебе, парню, не понять.

– Почему же?! У шумеров есть пословица: «Дерзкий мужчина ест соль, дерзкую женщину втаптывают в грязь».

- Серьезно?!
- Абсолютно.
- А еще что у них есть?
- «Не спи с рабыней: она будет называть тебя непочтительным именем».

Я выразительно посмотрел на Наташу. Она несколько не смутилась.

Эта беседа проходила уже в самом конце моего восьмого, и ее девятого, класса. А подружились мы, когда вместе готовились к областной олимпиаде по математике – частью в школе с тогдашней математичкой, учительницей и завучем (бесполезно), а частью у меня дома (полезно, но...). Предполагалось, что Наташа меня готовит, как старшая, но на самом деле, конечно, я готовил ее – параллельно осваивая программу олимпиад по девятому классу. Ученица была способная и благодарная. Постепенно наши занятия становились все более неформальны, все больше обсуждались вопросы школьной жизни и текущей политики – не забывая, впрочем, о деле, – так что в какой-то момент не выдержала моя баба Тоня. Занимались мы, как я уже говорил, у меня дома: мама, как правило, была еще на работе, а бабушка Антонина, совсем слабая она уже была и редко вставала, лежала себе тихонько в соседней комнате, ни во что не вмешивалась, не присутствовала, не мешала. Но слушала.

И вот после очередного занятия она вдруг позвала меня в свою комнатку:

- Вижу, нравится тебе Наташка.

– В каком смысле?

– Да не придуряйся. Как баба. Видно же! Ох, берегись, внучек! Она с двенадцати лет за Летось бе-
гает...

– Да мы только друзья! Математикой занимаемся.

– У друга с ж... штаны не стащишь. А эта – сама снимет. Ты, Серега, берегись этой ведьминой породы. Русалки они, не бабы! Во как было. Я еще совсем девчонкой была, как на Летоси вдруг двое парней утопли. Стали говорить: русалка появилась, утянула. Вроде и раньше такое бывало иногда. А дед ее, Петром звали, отчаянный малый был и красавец писанный, все девки сохли. Решил он эту русалку разыскать да еще и насильничать, за дружков отомстить. Выслеживал долго. И место нашел, где вроде как она отдыхает, – далеко где-то вниз по течению. Из надежного укрытия вначале долго наблюдал. А потом вот что сделал: днем вырыл возле самого берега яму, где спрятаться можно и что с реки не видно, камышом забросал, на ночь затаился. Как русалка подплыла, на берег выбралась, волосы-то распустила, на луну через реку смотрит, он сзади подкрался, схватил ее со спины, как смог, и со всех ног с ношей такой подальше от берега. Потому что нельзя ее в реке-то: она кого хошь осилит. Бежит, на вой ее и царапанье внимание не обращает. Отбежал подальше, бросил на землю. Та бьется, как рыба, просит его, молит, он ни в какую. Подождал, пока обессилит – как рыба, опять же, свое дело-то сделал и, полуживую, снулую, обратно в реку отнес.

Отжилась, уплыла. А потом ходил он смотреть на нее издаля каждую неделю. Приплывает та и пузо показывает: беременна я. И объясняет, как может: человек это, не русалка, в реке не выживет, приходи забирать, как срок придет. Вот так в апреле-то он девчонку новорожденную домой и принес. Рассказывают, жуткая ночь была: буря и дождь такие, что собаку из дома не выгоняли. А он все равно исправно встречать-то пошел... Бабка это ихняя, Русланой назвали. А Петр тогда молодой был, неженатый, вот на мамашу и отписали: оттого брат он вроде как ей, не отец.

Никто Руслану эту замуж брать не хотел. Но приданое дали знатное, да и семья у них справная, зажиточная. Нашелся и на нее от безнадёги-то муженек. От той Русланы четверо дочек родилось, и Маша, Наташкина мать, младшая, а она, стало быть, русалкина правнучка. Да ишо мамка ее в четырнадцать лет за Летосью нагуляла, никто не знает, от кого, как бы не от нечистой силы опять, ох, берегись...

Я перебил свою бабулю:

– А как же это можно, с русалкой? Она же очень *нефункциональна*.

– Чегой-то?

– А вот смотри, – я нарисовал, не так красиво, разумеется, диснеевскую русалку, – как ей пользоваться? *Куда ее?*

– Э-э-э, паря... Русалки, они ить не такие. Два у них хвоста, – бабуля талантливо пририсовала еще один, – вот между хвостами и причинное место, как у бабы, все чин по чину.

Представьте себе мое удивление, когда много позже именно таких, двухвостых русалок (сирен) я стал находить и на фронтонах западноевропейских средневековых церквей – например, в итальянской Модене (первое, что приходит на ум), и на гербах.

А в тот момент ее рассказ не произвел на меня должного впечатления:

– Ну русалка, так русалка. Что в них плохого? И в школе хорошо учатся, и детей рожают. Многие бабы нормальные позавидуют!

Обескураженная Тоня не нашла, что ответить, но я успокоил:

– Не бойся, бабушка! Учиться надо, не до девиц. Олимпиада вон скоро.

Если честно, немного все же странно, что между нами отношения не развивались, застряв на стадии чистой дружбы с дозволенной фривольной шуткой и поцелуем в щечку на прощание. (Что бы ни говорили теоретики, очень неустойчиво это состояние – дружба между мужчиной и женщиной (мальчиком и девочкой): не устоит монета на ребре, либо туда, либо сюда.) Мы оба почему-то к этому не стремились. Ну я, понятно, прежде всего от своего рода страха, а точнее сказать, следуя Маканину, от *нежелания пускать свое сердце в рост*: здесь, в этой гнуси, никакое чистое развитие, по типу кинофильмов и книжек для юношества, было невозможным. Мне, в некотором смысле, по мнению вожakov да шавок, Наташа была *не положена*, и пробиваться пришлось бы трудом и потом, и не без разбитого носа. Дело не в этом малом мордобое: просто,

коротко говоря, *слишком* много пришлось бы нахлебаться дерьма – неподходящим местом для запуска сердца в рост был наш поселок.

А Наташа... Ну, может от малой части от сочувствия ко мне, из понимания ситуации. Но главное не это, а вот что... я не знал и не знаю. Что-то мешало. Давайте считать – любовь к другому (но к кому?).

Областные олимпиады прошли, я пробился дальше, и встречи наши стали более редкими. Но не прекратились – учебные поводы находились легко и регулярно. Лишь в самом конце учебного года, в июне, когда я вот-вот уезжал в летнюю школу при своем интернате, Наташа сделала решительный шаг, опуская, за ненадобностью и отсутствием времени, все промежуточные стадии. Тоном абсолютно серьезным, каким о предстоящих экзаменах говорят, она предложила:

– Конец июня. Летось вот-вот откроется. Чего ждать? Давай сходим в воскресенье вечером искупаемся, а?! Я отличный пляжик знаю. Далеко, правда.

Пара дней прошла в ожидании, всю гамму которого мне вам не передать. А в воскресенье утром Наташа визит на пляж отменила. Почему? Не знаю. Не думаю, что ее ссылка на плохое самочувствие была тут реальной причиной. Попробовать, что ли, так прокомментировать: купание со мной было, конечно, смелой, далеко рассчитанной и, скорее всего, многообещающей инвестицией в будущее. Но – в будущее, и только уменьшало котировки настоящего.

Да нет, тоже ерунда. Давайте еще раз повторим: любовь к другому (но к кому?!).

Так вот и окончился, не начавшись, школьный роман, обойдясь без поцелуя напослед и без руки на прощание. Ну а когда я стал учиться в интернате и на физтехе, встречались мы редко; я вообще в родные места старался без лишней надобности не навещать. Но встречались, остались друзьями. Иногда, между прочим, даже письмами обменивались с вложенными фотографиями: Наташа, в своем студенческом театре областного Политеха, играет роль Наташи (из «Мастера и Маргариты», избранные сцены) – ну чистая ведьма, соглашусь с бабулей! Я, с автоматом Калашникова в руках, принимаю участие в соревнованиях по стрельбе от военной кафедры...

Короче говоря, не было ничего удивительного в том, что, когда я после стройотряда на четвертом курсе заехал на последнюю неделю августа в родной поселок, Наташа была первой из тех, кто в гости заглянул:

– Очень ты вовремя приехал! Через два дня, в воскресенье, свадьба: Танечка, Первая Красавица наша, замуж выходит. Грандиозное мероприятие, пароксизм всех местных традиций. Триста гостей, десятков вызываемых женихов: Первую Красавицу выдают, с рук сбывают! Позиция вакантна!

– Слышал. Но не имею чести быть приглашенным.

– Как? – она искренне удивилась. – Неужели?

– Ну я же не знаю толком ни Таню, ни Колю Козлова, жениха ее. Они и старше заметно, да и вообще как-то не общались.

– Ну Таню хоть помнишь?

– Кто же Первую Красавицу не помнит? Но это ты ведь ее подруга, всегда рядом можешь побыть, а мне, маленькому, о ней даже и мечтать было не положено, не то что приблизиться. Но тут покаюсь, – я брал привычный между нами фривольный тон, – благодаря тебе, мечталось.

– Благодаря мне?!

– Угу. За давностью лет могу признаться, что, когда ты мне свою фотографию подарила, при отъезде в восемнадцатый интернат, помнишь, – она кивнула, – строгую такую, разве что не у красного знамени, – так вот тогда я не переборол искушения и выкрал из твоего альбома еще одну: где вы с Таней вместе на пляже на Летоси, на левом берегу, стоите в купальниках.

– Так это ты?! А я думала...

– Я, я. Извини. Но ты-то ведь, если бы захотела, могла бы и новую сделать. Или вообще целую фотосессию устроить. А я... вот эпиграмму сам на себя написал. Римский поэт Сергений, современник Овидия с его «Наукой любви», первый век нашей эры. Гекзаметр, или почти. Дай только вспомню:

Наглая ложь, что ты ложе делил с нашей Таней

И что с Наташей делил его, тоже ты врешь.

Правда же: с фоткой в руке, запершись, неустанно

В душном сортире себя лишь, увы, познаешь.

– Талантливо.

– Вашими молитвами. Не эпатаж, а, как на физтехе говорят, точность самоотчета: смеясь, расстаемся со своим прошлым.

Потом мы поболтали еще о разной ерунде, местных новостях. Я узнал, что Наташа, окончив Политех, поступила в аспирантуру по теме «огранка драгоценных камней». Интересно!

На следующий день она прибежала с утра:

– Сергей, гениально! Есть для тебя работа. И червонец заработаешь, и на свадьбе побываешь.

Оказалось, Танины родители (отец и мачеха) ищут извозчика, чтобы развозил на их жигуле гостей: в поселок и обратно к Дому культуры, где сама свадьба проходила: традиционное место – лучшая переправа через Летось, самая узкая, с отличными подходами с обоих берегов, рядом. Развозить надо всю ночь. Стоит десятку (торг уместен; да они еще добавят – свадьба же!). Распространился слух, что ГАИ специально устраивать будет ночью проверки, пьяных водителей ловить для плана, так что ни капли; тут-то и проблема.

– Но тебе же это легко!

Я кивнул.

– И права ведь есть.

Да, писал ей об этом:

– Получил через военную кафедру.

Я не видел никаких причин уклониться от этого приключения. Вечером принял от Таниного отца ключи от машины и инструкции. Тани дома не было.

На свадьбе я сидел от молодых далеко, тостов не произносил, тих был и незаметен. Да и то: кто я таков? Даже, по сути, не гость (хотя место на краешке стола нашли, отдельно не посадили): шоферюга, развозчик... Лукавлю, конечно. Известность моя как «местного гения» уже в узких кругах существовала и по аудитории как-то сама собой распространилась. Я порой ловил заинтересованные взгляды, пару раз пожилые тетки беседовали со мной, как там у нас учиться, как к нам поступить. Осознал даже, что, от небольшой части, здесь не только развозчик, но и свадебный генерал – а точнее, позволим себе сказать, «свадебный майор»: смотрите, кто у нас шоферюга! Местный гений, не вам, сиволапым, чета – и всего лишь таксует. Во как!

Невеста мне казалась невероятно красивой (что правда или почти правда) и словно из другого мира (что полная чушь). Когда смотрел на нее, вспоминались Мэрилин Монро и Бриджит Бардо, о которых я, конечно, ничего не знал, и представлялось – Таня *оттуда*. Казалось так. Дело было отчасти в воспоминаниях; о многом я уже сказал, о чем-то умолчал, а еще я ведь помнил ее, первую школьную-поселковую красавицу, старшую на три года (физически), на два класса, на школьных линейках и дискотеках, помнил какие-то нелепые слухи, распускаемые о ней девчонками-завистницами, пустейшую похвалбу старших парней за передаваемым по кругу стаканом самогонки:

– Вчера я вашу Таньку отъе... – в которую не верил никто, даже они сами – но надо было помалкивать, а если ты шавка, то и поддакивать.

Коктейль, короче говоря, взрывоопасный, и ясно было – этой ночью мне мыслей о ней не избежать – впрочем, не в первый раз. Таня, с невестиной своей высоты, заметила-таки мои взгляды и как-то раз украдкой, очень откровенно понимающе, улыбнулась в ответ. Я устыдился и старался больше на нее не смотреть.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА